

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 02(047.53)

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11>

О себе, о жизни, о судьбе: интервью с В. П. Леоновым

Валерий Павлович Леонов – библиографовед, библиотековед, известный библиотечный деятель, специалист в области информатики, доктор педагогических наук (1987), профессор (1988), научный руководитель Библиотеки Российской академии наук. В 2022 г. В. П. Леонов отметил свой 80-летний юбилей. В преддверии 300-летия Российской академии наук и 310-й годовщины со дня основания её Библиотеки (БАН) мы решили поговорить с научным руководителем БАН о жизни, о судьбе, о библиотеке.

– Жизненные впечатления во многом определяют профессиональный выбор человека. О каких самых ярких событиях или впечатлениях Вам хочется вспомнить сегодня?

– Из самых ярких впечатлений моей жизни, повлиявших на профессиональный выбор, стали, наверное, три города – Львов, Тбилиси и Ленинград. Каждый из них был центром насыщенной культурной жизни.

Я вырос в маленьком Почаеве, который известен миру Свято-Успенской Почаевской лаврой. Никаких особых развлечений там, естественно, не было. Были только красота и убранство лавры, книги в библиотеках и музыка (в основном в кино). Моя бабушка складывала по копеечке деньги, чтобы купить баян, о котором мечтал. Я получил баян в 12 лет на день рождения. Книги и музыка сопровождали меня с детства. Во Львове я впервые попал в театр оперы и балета и был потрясён пением артистов, голосом тенора Зиновия Бабия и мощностью оркестра. Когда знакомился с городом, гулял по улицам, запомнилась надпись латиницей на фронтоне здания научной библиотеки политехнического института: «Здесь мёртвые живут и немые говорят».

В Тбилиси я, как военнослужащий, имел возможность посещать театры бесплатно. До сих пор помню балетные выступления Веры

Цигнадзе и Вахтанга Чабукиани. У меня была возможность читать книги в Республиканской библиотеке, а через несколько лет, уже как студент, я проходил в ней производственную практику.

Наконец, центром моей вселенной стал красавец Ленинград (Санкт-Петербург), а любимым местом отдыха – Большой зал филармонии. Будучи абитуриентом, я сразу записался в публичную библиотеку (РНБ) на Фонтанке, 36. Так музыка и книги привели меня в институт культуры, но чаша весов склонилась к библиотечному факультету.

Потом в моей профессиональной жизни было много поездок и впечатлений от городов и библиотек других стран (Германии, Швейцарии, Финляндии, США, Японии, Польши, Голландии, Австрии, Канады, Англии, Мексики, Испании, Франции, Вьетнама, Китая, Италии), но города России (СССР) остаются самыми любимыми и родными.

– «Библиография – это профессия, это – наука, это – искусство невозможного». Откуда эта любовь к библиографии?

– В студенческие времена возник интерес к библиографии, а потом пришла и любовь. Меня восхищали мои учителя и образованием, и знаниями, и умением увлечь. Я их часто вспоминаю с благодарностью. Это Нина Григорьевна Чагина, Георгий Гаврилович Фирсов, Борис Владимирович Банк, Михаил Аркадьевич Брискман, Василий Фёдорович Сахаров, Борис Юльевич Эйдельман, Зелик Израилевич Ривлин, Ирина Васильевна Гудовщикова, Людмила Вениаминовна Зильберминц, Гертруда Васильевна Гедримович, Аркадий Васильевич Соколов, Анатолий Иванович Манкевич и многие другие. Все вместе и каждый из них в отдельности сумели без нажима, тактично и уважительно увлечь сложностью и многомерностью информационного пространства.

После окончания института началась работа на новой кафедре информатики и в научно-исследовательском секторе (НИС). На кафедре собрались молодые преподаватели-энтузиасты (Т. Н. Колтыпина, А. М. Соркин, В. М. Мотылёв, Л. К. Голубев, Д. И. Блюменау, Р. Ф. Гринина, Г. К. Неустроев, В. С. Сергеенко, Э. В. Станиславская). Возглавлял кафедру тоже молодой кандидат технических наук А. В. Соколов. Он обладал редким даром объединять вокруг себя людей, заражать их

своими идеями, завоёвывать сторонников и мобилизовать их к действию. Именно кафедра подарила мне идею заняться библиографическим анализом текстов, в частности реферированием и аннотированием.

Темой кандидатской диссертации стала информативность реферативного издания ВИНТИ «Экономика промышленности» (1973 г.).

Огромное влияние на меня оказала совместная исследовательская работа в НИСе с московским ВНИИ «Информэлектро». Великолепная творческая атмосфера способствовала не только получению нетривиальных научных результатов по изучению библиографического анализа текстов и информационному поиску, но и многолетней дружбе с уникальным учёным в области интеллектуализации информационных систем Делиром Гасемовичем Лахути и его талантливыми коллегами Игорем Степановичем Добронравовым и Евгением Борисовичем Фёдоровым.

НИС, возникший в 1971 г. по идее ректора Е. Я. Зазерского на хозрасчётных началах, стал хорошей школой вхождения в науку. За 20 лет его существования было разработано 136 научно-исследовательских тем, связанных преимущественно с созданием автоматизированных систем научно-технической информации (АСНТИ) и совершенствованием библиотечно-библиографических процессов. НИС рос стремительно и весело. Атмосферу тех лет сохранили «вокальные зарисовки» коллектива (автор А. В. Соколов), где неизменным «маэстро» выступал В. П. Леонов с баяном. Напомню лишь несколько строчек:

Серьёзно или в шутку,
Попробуй докажи,
Подземный ход в науку
Решили проложить;
Подвал арендовали,
Повесили карниз,
И кратко обозвали
Получившееся: «НИС».
Потолок ледяной,
Дверь скрипучая,
Картотеки горой,
Книги кучами.

А народ молодой,
Элегантный,
Для работы любой
Релевантный.

Заключительным аккордом моего увлечения библиографией стала стажировка в 1973–1974 учебном году в Мэрилендском университете США по программе «Обмен аспирантами и молодыми учёными». Американские библиотеки потрясли меня своей функциональной приспособленностью к обслуживанию читателей. Я получил не только практику общения на английском языке, но и новые теоретические и практические знания по библиотечно-информационным наукам, а также приобрёл много искренних друзей. Результаты стажировки нашли отражение в развитии темы моей докторской диссертации «Алгоритмизация процессов реферирования и аннотирования научно-технической литературы» (1987).

– Валерий Павлович, какова миссия библиографа сегодня?

– Миссия библиографа уже описана многими библиографами и библиографоведами. Я могу лишь присоединиться, что и сделал в своей книге «Очерки эволюции поэтики библиографии» (2017). Думаю, магия библиографии как деятельности, прежде всего, проявляется в том, что на протяжении веков ею занимались и увлекались учёные разных областей знания, а потом уже появились библиографы-профессионалы. У каждого из них своё прочтение понятия «библиография», но объединяет всех поэзия труда как часть искусства.

Если обратиться к литературе по истории отечественной библиографии, начиная с фундаментального труда Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века» (Москва, 1944–1947), то можно в этом наглядно убедиться.

В современной профессиональной литературе тоже много внимания уделяется изучению опыта труда библиографа. Недавно получил из Челябинской областной научной библиотеки материалы Всероссийской научно-практической конференции «Моргенштерновские чтения – 2022. Цифровая трансформация современной библиографии: вызовы, возможности и события», в которых выделен специальный подраздел «Библиография: культурный код профессии». Несмотря на все дости-

жения цифровизации, востребованность библиографа в библиотеках продолжает оставаться актуальной. Основательность и профессионализм, эрудиция, память, интуиция делают этих специалистов незаметными. Человеческий фактор никто не отменял. Уместно вспомнить известные слова В. Брюсова о том, что «труд библиографа можно сравнить с фундаментом здания: зрителю видны лишь великолепные стены и купола дворца, но они могут висеть лишь потому, что под них подведён прочный фундамент»¹.

Неслучайно многие энциклопедии, словари, справочники и другие научные труды содержат слова признательности библиографам. Омская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина в 2022 г. к юбилею библиотеки подготовила выставку «Библиографам с благодарностью», где собрала десятки изданий с рукописными дарственными надписями как знак уважения сотрудникам библиографического отдела. Подобные выставочные проекты, посвящённые работе библиографов, формируют их положительный имидж и способствуют привлечению в профессию молодых специалистов.

Лично для меня образцом служения библиографии была и остаётся главный библиограф БАН Наталья Михайловна Розова (1923–2016). В ней сочетались образованность, широкая эрудиция, острота ума, великолепная память, профессиональная интуиция и воображение, высочайшая ответственность. И при этом – абсолютное бескорыстие. Наталья Михайловна проработала в нашей библиотеке более 50 лет, стала ценнейшим сотрудником, библиографом высочайшего класса и вообще легендой БАН.

– 36 лет Вы работаете в БАН – одной из крупнейших библиотек России и мира. За годы Вашего руководства было реализовано множество Ваших идей и проектов, международных конференций и встреч. БАН – это работа, служение или судьба?

– Отвечая на этот вопрос, я бы сказал, что сначала судьба, а потом работа как служение. Мне казалось, что моя карьера складывается успешно: студент, аспирант, ассистент, кандидат наук, доцент. Но в

¹ Брюсов В. Я. О значении библиографии для науки // Библиографические сведения. 1929. № ¼. С. 5–7.

один прекраснейший майский день 1987 г. по совету (как выяснилось потом) директора ГПНТБ Сибирского отделения Академии наук Бориса Степановича Елепова ко мне обратился директор БАН Владимир Александрович Филев и предложил должность его заместителя по научной работе. Работать в библиотеке такого уровня, как БАН, было честью. Я принял предложение, но недооценил объективную ситуацию в стране, в том числе и в библиотечном деле.

В конце 1980-х гг. начался развал библиотечной системы как составной части идеологической деятельности КПСС. Неоднозначная сущность меняющихся лозунгов и призывов проступала во всём уже достаточно чётко. Эта ситуация отражалась и на управленческой деятельности БАН. Давление и прессинг, формирование оппозиции, компромат на руководителя стали, к сожалению, приметой жизни БАН.

Разрушительный пожар 1988 г. в библиотеке поставил окончательную точку в этом противостоянии. Мне пришлось выдержать невероятные испытания, наветы, пройти вместе с библиотекой через уголовное расследование. Но, как говорят, в итоге восторжествовала справедливость. Добро победило зло.

Библиотека для меня, как прежде, храм книги. Я испытываю к ней глубочайшее почтение и продолжаю служить.

Хотелось бы сказать о коллективе. В целом он очень профессиональный и трудолюбивый. Особенно это чувствовалось в дни пожара и годы восстановления утраченного фонда. Коллеги проявили невероятное мужество, решительность, солидарность, взаимную поддержку и бескорыстие. Низкий поклон коллективу нашей библиотеки!

На смену приходит другое поколение, но мне оно нравится: образованные, информированные, профессионально владеют новыми технологиями, уважают традиции, но устремлены в будущее. Выступления молодёжи на семинарах и конференциях оставляют очень хорошее впечатление. Её обязательно нужно поддерживать.

– Наша библиотека в разные периоды истории была центром мировой культуры, национальным книгохранилищем, частью Академии наук, визитной карточкой города. Как Вы считаете, что необходимо сегодня сделать для сохранения и приумножения авторитета библиотеки?

– Библиотека Академии наук – воистину центр мировой культуры и национальное книгохранилище. Я бы добавил, что БАН – наше национальное достояние. Здесь есть всё! Но поддерживать высокий статус непросто. Требуются постоянный труд и движение вперёд. Мне думается, что авторитет БАН надо поддерживать и укреплять всеми средствами, выходить за пределы библиотеки. Надо уходить от ведомственных ограничений, активнее участвовать в культурных мероприятиях города, делиться успехами и размышлениями на страницах наших профессиональных журналов, организовывать научные конференции с международным участием и принимать активное участие в соответствующих мероприятиях других библиотек России и СНГ.

Необходимо рекламировать и продвигать информацию о своей деятельности, всячески расширять состав и количество читателей, позиционировать себя как библиотеку, открытую к диалогу. Иначе БАН грозит опасность стать библиотекой с областной судьбой. Конечно, решающее слово здесь принадлежит первым лицам.

– Остались ли ещё неизученные страницы истории библиотеки?

– Я убеждён, история Библиотеки Академии наук ещё хранит много неизученных страниц. Ведь 300 лет её жизни, её служения науке – это не поле перейти! Мечтаю заняться биографикой, более основательно заглянуть в судьбы тех людей, которые Библиотеку создавали, развивали, берегли. Ведь «Биографический словарь сотрудников БАН» (2014) насчитывает более 3 тыс. персоналий! Начало уже положено. В 2019 г. мною было подготовлена книга «Библиотека и судьба: А. Б. Никольская», посвящённая памяти хранителя рукописного отдела БАН в 1929–1930 гг.

– В 1987 г. Вы приняли решение работать в Библиотеке Академии наук. Как Вы оцениваете этот шаг? И какое решение Вы приняли бы сегодня?

– Я уже раньше сказал, как было принято решение работать в Библиотеке Академии наук. Мне было 45 лет, я был полон идей, хотелось горы свернуть. Сегодня, когда прошло 36 лет моей жизни в БАН, я сроднился с библиотекой, я прикипел к ней. Несмотря на все пережитые испытания, низко кланяюсь Библиотеке. Моё решение о поступле-

нии на работу в БАН, которое я принял бы сегодня, оставляю без комментариев. Не хочу искушать судьбу.

– Что Вы думаете о научной школе нашей библиотеки? Научная деятельность сотрудников связана с понятием «научная школа»?

– Вопрос о научной школе заставляет меня задуматься. С одной стороны, в БАН многие сотрудники имеют учёную степень, наряду с практической работой активно печатаются. Серьёзные результаты исследовательской деятельности имеют Рукописный отдел и Отдел редкой книги. Мне нравится, как работают СБО, НИОБиБ, ОНСЛ, ОИАН, ОЛСАА, НИОКиРФ, НИОИА. Особо хотел бы отметить исследовательскую деятельность Кабинета библиотековедения и Славянского фонда. Прорыв в научной работе был особенно плодотворен, когда в библиотеке функционировал Совет по защите кандидатских диссертаций.

С другой стороны, научные школы в БАН ещё не сложились. Считаю, что в этом есть моя недоработка. Обязательно надо вернуться к этой проблеме. Лично моя школа учеников включает семь аспирантов и соискателей, которые стали кандидатами наук. Однако феномен научной школы, как правило, не ограничивается только числом защищённых диссертаций. Существуют понятия «влияние школы», «преемственность школы». Поэтому, надеюсь, к моей научной школе примкнули те, кого заинтересовали мои работы и мои идеи.

– Кто из сподвижников, единомышленников близок Вам по духу? Кто вдохновляет Вас?

– Моими сподвижниками, прежде всего, были учителя. Многим я обязан научному руководителю Анатолию Ивановичу Манкевичу и заведующему кафедрой информатики профессору Аркадию Васильевичу Соколову. Они внимательно следили за моими научными успехами и всячески помогали. Глубокоуважаемым единомышленником стала Гертруда Васильевна Гедримович, которая охотно читала мои работы, конечно, критиковала, но и хвалила.

Очень дорожил мнением Ирины Васильевны Гудовщиковой и её супруга Даниила Владимировича Лебедева – известного биолога. По всем важным вопросам советовался с ними. Именно их слово стало решающим в переходе на работу в БАН. Впервые увидел Ирину Васильевну ещё в студенческом общежитии на проспекте Смирнова, 9. Она

рассказывала о поездке по странам Европы в качестве стипендиата ЮНЕСКО. С трудом верил, слушая Ирину Васильевну, что можно наизусть запомнить такое количество иностранных источников и имён.

Я знаю, что своих аспирантов (а их было 12) Ирина Васильевна учила работать тщательно и дотошно, как работала сама. Её труды вошли в золотой фонд профессиональной литературы. Я часто беру и перечитываю «Избранные труды» (2020) Ирины Васильевны, которые подготовила и издала наша библиотека.

Крепкая профессиональная и человеческая дружба меня связывала с Эмилией Константиновной Беспаловой. Мы многие проблемы библиографии понимали одинаково, шли по одной научной тропе. Её предисловие к моей книге «Библиография как профессия» (2005) считаю большим подарком судьбы. Мы периодически переписывались, пере­званивались (тогда интернета ещё не было). Когда бывал в Москве, с удовольствием заходил на чашку чая. Храню в домашней библиотеке подаренные ею книги с добрыми пожеланиями. Чувствуя необратимость подступавшей болезни, Эмилия Константиновна просила сохранить её архив в нашей библиотеке. Мы выполнили эту просьбу.

С большой теплотой вспоминаю Эдуарда Рубеновича Сукиасяна. Мы познакомились в 1979 г. в Ленинграде на защите одной из диссертаций. И сразу разговорились, обнаружилось много общих интересов. Я, конечно, знал об Эдуарде Рубеновиче намного раньше. Со студенческих времён испытываю чувство восхищения к людям, занимающимся вопросами классификации научной литературы. Они мне представляются полубогами, вершителями судеб библиотечного дела. Наша дружба формировалась и крепла в ходе профессионального общения. Подаренный Богом библиотечный талант Э. Р. Сукиасян реализовал с большой отдачей. Он стал уникальным Мастером своего дела. За этим колоритным словом стоят невероятная воля, упорство, труд и страстная любовь к профессии.

К моим единомышленникам, на работах которых я учусь и которыми восхищаюсь, отношу также Руджеро Сергеевича Гиляревского и Юрия Николаевича Столярова. Оба учёных на протяжении многих десятилетий остаются в отличной научной форме, являются новаторами и лидерами библиотечной и информационной деятельности.

С интересом слежу за публикациями моих коллег из БАН (Н. М. Баженовой, Т. В. Кульматовой, Н. А. Сидоренко, Н. А. Волковой, Т. Б. Марковой, Н. В. Пономарёвой, Н. В. Бекжановой); из РНБ (Н. К. Леликовой, Г. В. Михеевой, И. Г. Матвеевой); из РГБ (М. Ю. Нещерет, Г. Л. Левина); из институтов культуры (В. А. Бородиной, В. В. Брежневой, Г. В. Варгановой, А. С. Крымской, И. С. Пилко, Н. И. Гендиной, Н. В. Лопатиной), из других известных учреждений науки и культуры (Е. Б. Артемьевой, Е. Д. Жабко, К. М. Сухорукова, Я. Л. Шрайберга, В. В. Зверевича).

Из зарубежных коллег моим самым близким единомышленником и другом стал Питер Уотерс (США) – ведущий эксперт Библиотеки Конгресса по сохранности книжных фондов. В первые дни после катастрофического пожара 1988 г. он был приглашён по инициативе Арманда Хаммера в БАН. Его система фазовой консервации оказалась на тот момент единственным реальным способом спасти 3,6 млн книг, повреждённых огнём и водой. Питер вошёл в жизнь нашей библиотеки настолько естественно и органично, что навсегда стал частью её коллектива и её истории. Его всегда будут помнить таким, каким он был: мягким, доброжелательным, интеллигентным и обаятельным, уважение к которому испытывали все, кто с ним был знаком. В 2003 г. жизнь Питера оборвалась, когда он занимался работой по систематизации и описанию слайдов, запечатлевших внедрение фазовой консервации в БАН. Для меня лично Питер Уотерс останется непревзойдённым Мастером, символом науки о консервации и профессиональной этики конца XX – начала XXI в. Портрет молодого Питера стоит на моей книжной полке. Каждый день я мысленно приветствую его, а в трудный час обращаюсь к нему за советом.

Не могу также не вспомнить ещё одного друга из США – Мигеля Ангела Корсо, директора Института консервации им. П. Гетти.

– Какой путь Вы видите для улучшения профессионального образования библиотекаря в России? За рубежом (например, в США, Великобритании) вначале получают отраслевое образование, а затем библиотечное. В чём преимущества и недостатки зарубежной и отечественной систем образования?

– Мне думается, оба подхода к системе профессиональной подготовки библиотекаря логичны и оправданы традициями. За рубежом студенты получают достаточно узкую специализацию, хотя обучают их основательно. Однако студент сам выбирает дисциплины, которые его привлекают сегодня, но он ещё не знает, что потребуется завтра. Мне нравилась наша советская система образования. Хороших технологов готовили библиотечные техникумы. Мы с большим удовольствием приглашали выпускников Ленинградского техникума в нашу библиотеку, были уверены в качестве их профессиональной подготовки. Институты культуры были нацелены на общую глубокую гуманитарную подготовку будущих специалистов, а затем уже специализацию. Это давало возможность мобильно перестраиваться и работать в библиотеке любого типа, успешно выстраивать карьеру. К сожалению, сегодня, насколько мне известно, библиотечное образование в России переживает кризис. На библиотечно-информационных факультетах максимально сократилось число кафедр, количество преподавателей и объём читаемых курсов. Например, в нашем петербургском институте культуры утрачены кафедры, которые делали ему славу: кафедра детской литературы и библиотечной работы с детьми, кафедра информатики. А от некогда мощной кафедры литературы остались лишь представители, которые вошли в состав кафедры медиалогии и литературы. В угоду моде поменяли историческое название кафедры библиографии и книговедения. Я искренне сожалею.

– Вы вновь и вновь удивляете своих читателей парадоксальностью подходов в изучении библиографии, библиотековедения, книговедения. Это подтверждает монография «Нейрокогнитивное исследование». Как появилась идея этой книги?

– Проблема прошлого, настоящего и будущего книговедения меня интересует давно. Я неоднократно обращался к ней в моих работах. Неожиданным толчком стал доклад академика РАН Константина Владимировича Анохина на семинаре «Информационный потенциал биологических объектов» в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова РАН, где я имел возможность присутствовать. К. В. Анохин говорил о высшей нервной деятельности, о когнитивных процессах, об уникальности когнитивного.

Я внимательно слушал, в голове проносились идеи об аналогии с книгой. Рискнул задать вопрос академику: «Можно ли рассматривать книгу как когнитом?» Константин Владимирович убедительно ответил: «Книга – это внешний когнитом!» Так я погрузился в проблему междисциплинарности книговедения, гуманитарного знания и возможностей нейронаук.

– Как Вы думаете, какие принципы нейрокниговедения могут быть применены в педагогической деятельности и в обучении читательской грамотности?

– Я полагаю, что принципы нейрокниговедения могут быть применены в исследовательской и преподавательской деятельности. Теория когнитома академика К. В. Анохина открывает новые горизонты книговедческого изучения, которое должно сосредоточиться на выявлении и анализе особенностей влияния нейробиологических структур на сферу книговедения. Богатейший материал, собранный многими поколениями книговедов, библиографов, библиотековедов, требует осмысления в контексте достижений современной науки. Исследователям предоставлен уникальный шанс – применить достижения когнитивных знаний нейронауки в интересах переосмысления концепта «книга» в контексте междисциплинарного направления нейрокниговедения.

– В поисковике нейросети искусственного интеллекта нами был введён запрос о создании рецензии на Вашу книгу. Ваше мнение?

– Конечно, любопытно почитать рецензию на мою книгу, созданную роботом. Я даже уверен, что она будет оригинальной, так как гуманоид предварительно проанализирует большие объёмы текстов в сети на предмет схожих тематик. Но поскольку у робота нет сознания, а значит души, рецензия будет построена на машинных началах. Поэтому инновационные технологии, несущие не только новые возможности, но и негативное влияние на творческую индустрию, могут стать угрозой для креативного сообщества. Совсем недавно в прессе прочитал заметку о том, что в ведущих университетах Австралии, начиная с 2023 г., решили вернуться к истокам: все экзамены стали проводить только с ручкой и бумагой, без возможности сдачи в электронной форме. Кардинальные меры призваны нивелировать угрозу честному образованию со стороны искусственного интеллекта. Всему виной стала

программа ChatGPT. Этот компьютерный робот способен создавать качественные тексты как по мановению волшебной палочки, стоит только задать тему. В австралийских вузах прознали про нечестную игру обучающихся. Теперь применение искусственного интеллекта в учёбе расценивается как мошенничество.

– Если идея Вавилонской библиотеки и «всеобъемлющей книги» будет осуществлена, то как это отразится на её восприятии и работе памяти?

– Идея Вавилонской библиотеки и «всеобъемлющей книги», конечно, пока разрабатывается на уровне теории. Но даже если некоторые из этих идей будут расшифрованы и прочитаны, это ещё не значит, что прочитанное будет изложено осмысленно. Дело уже не в тексте, а в смысле, в том, что говорит живой человек и как он это интерпретирует.

– Вы не раз представляли Библиотеку Академии наук в академической среде. В преддверии юбилея Академии наук в 2024 г. как Вы видите перспективы сотрудничества Библиотеки и Академии наук?

– Конечно, 300-летний юбилей Академии наук в 2024 г. – грандиозное событие для истории науки и нас очень обязывает. Надо будет очень постараться, а также напомнить о том, что библиотека – душа Академии. Хотя БАН с большой Академией разделяют сотни километров, рядом – отраслевые академические институты, с которыми необходимо будет провести и круглые столы, и праздничные мероприятия. Полагаю, что БАН станет одним из центров этих мероприятий.

– В наш электронный век нужны ли кабинеты библиотековедения в научных библиотеках?

– Кабинеты библиотековедения призваны хранить литературу по нашей профессии. Как же без них? Несмотря на все достижения электронной индустрии, в кабинете всегда есть читатели, особенно студенты. Я сам с удовольствием пользуюсь услугами кабинета как читатель. Я бы сделал кабинеты визитной карточкой библиотеки.

– Ваша работа строится на междисциплинарном подходе. Как Вы интегрируете свою любовь к музыке и поэзии в свою текущую работу?

– Как я уже сказал, книги и музыка ведут меня по жизни, это - моя страсть. Поэтому в квартире и на даче все стены в книжных полках, рядом - пианино, баян, аккордеон. К сожалению, из-за пандемии резко сократились походы в театры и филармонию. Но люблю слушать записи классической музыки. По телевидению всегда вызывает интерес программа «Сати - нескучная классика». Ведь музыка создаёт ещё один мир вокруг нас. Часто возвращаюсь к прочитанным книгам. Всё вместе рождает творческую атмосферу, часами могу не отрываться от письменного стола.

– Юрий Николаевич Столяров писал, что Вы, Валерий Павлович, опережаете время. Хотелось бы верить, что в будущем библиотеки оценят Ваш вклад в развитие библиотечного дела?

– Я не знаю, как ответить Юрию Николаевичу Столярову. Думаю, время покажет.

– Валерий Павлович, в чём Вы видите смысл жизни и назначение человека?

– Это большой философский вопрос. Над ним размышляют лучшие учёные мужи не одно столетие. Лично я вижу смысл жизни в продолжении рода и любви к своей земле. Каждому человеку даётся шанс обрести радость в труде и творчестве, любить себя, детей, внуков и всех близких, творить добро, быть милосердным, уметь прощать и жить в гармонии с природой. Но каждый проживает свою жизнь. Каждому из нас в течение жизни многократно желают здоровья и счастья. С возрастом стал понимать, что счастье – это здоровье. Ведь жизнь даётся всем, а старость – только избранным.

– В жизни, а главное, на работе, много нелепого и даже абсурдного. Как Вы справлялись с этим, удалось ли Вам реализовать свои планы и кого Вы хотели бы поблагодарить за поддержку?

– По поводу нелепого и абсурдного я не задумывался. Каждый день у меня как у руководителя был расписан по часам. Планы успешно выполнялись. Конечно, они могли быть реализованы только при поддержке, прежде всего, помощников - заместителей, заведующих

отделами и многих-многих рядовых сотрудников Библиотеки. Я помню их поддержку, и я благодарен.

– Спасибо, Валерий Павлович, за содержательное интервью. Желаем Вам здоровья и творческих успехов!

– Дорогие коллеги! Большое спасибо за интересные вопросы!

Беседу вели:

Самара Людмила Орестовна – главный библиотекарь сектора библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Sonysamlu@gmail.com

Маркова Татьяна Борисовна – доктор филос. наук, заведующая сектором библиотековедения Библиотеки Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

tatjana.marko2016@yandex.ru